

АЛЕКСАНДР ЧЕРВАКОВ

ДВЕ СТОРОНЫ

ЧАСТЬ 1. НАЧАЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Черваков

Две стороны. Часть 1. Начало

«Автор»

2021

Черваков А.

Две стороны. Часть 1. Начало / А. Черваков — «Автор», 2021

Простыми, искренними словами автор рассказывает о начале службы в армии и событиях вооруженного конфликта 1999 года в Дагестане и Второй Чеченской войны, увиденные глазами молодого офицера-танкиста 242 гвардейского мотострелкового полка. Честно, без камуфляжа и упрощений он описывает будни боевой подготовки, марши, быт во временных районах базирования и жестокую правду войны. Все фамилии военнослужащих 242 МСП изменены. Содержит нецензурную брань.

© Черваков А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Аннотация	5
«Гражданка»	7
Ростов-на-Дону. Штаб СКВО	13
Штаб 20-й Дивизии	16
Штаб полка	18
Добро пожаловать... (понедельник)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Черваков

Две стороны. Часть 1. Начало

Аннотация

Книга является художественным произведением, основанном на реальных событиях. Книга предназначена для формирования правильного представления у читателя о жизни, воинском быте и взаимоотношениях людей, попавших в сложные условия войны, а не для документального изложения событий того времени.

*Ты шёл, не спеша, возвращаясь с войны,
Со сладким чувством победы
С горьким чувством вины...*

«Чайф»

– Саня, вставай, бля..., Щербаков! Хорош спать!

С трудом разлепляя глаза, Александр Щербаков медленно просыпался под перестук железнодорожных колес.

«Где я?» – этот вопрос ворочался в его гудящей голове. Еще в полусне Щербаков почувствовал, как в руки ему сунули что-то тяжелое, пальцы ощутили прохладу металла.

– Бери магазин и вставляй патроны. Ау, Саня! Подъем! – кто-то настойчиво тряс лейтенанта за плечо.

Какой магазин? Какие патроны? Окончательно открыв глаза, Александр с трудом огляделся вокруг и память постепенно стала возвращаться в его затуманенный разум. Щербаков лежал на втором ярусе нар, наспех сколоченных из горбыля и необструганных досок. Нары были застелены армейскими спальными мешками, часть новыми, часть совершенно потрепанными. Внизу, на ящиках из-под танковых снарядов, сидели бойцы и снаряжали магазины своих «АКС» патронами из раскрытых «цинков».

– Ну ты вчера ваще, Саня! – с улыбкой сказал Вадим Круглов – старший лейтенант с румяным лицом и светлыми, коротко стриженными волосами. – Ты чего так нажрался-то?

– А мы где? – ответил Щербаков вопросом на вопрос.

– На море едем, – ответил Круглов, – вставай давай.

– На какое нафиг море?

– На Каспийское.

Щербаков сел, спустив ноги вниз. – А число сегодня какое? – спросил он, борясь с приступами тошноты.

– Восемнадцатое августа девяносто девятого года. Совсем потерялся? – старлей опять улыбнулся белозубой улыбкой.

Александр перевёл взгляд на лежащий рядом автомат, – Это мне?

– Тебе. Патроны с института не разучился вставлять? Смотри как... – и Вадим, зачерпнув горсть блестящих медно-зеленых патронов из цинкового ящика, стал ловко вкладывать их в магазин.

– Тебе «смертник» в военкомате выдали? – Круглов отложил заряженный «магазин» и посмотрел на Александра.

– Какой «смертник»?

– Ну жетон с твоим номером?

– Нет.

– Золотой! – сквозь грохот колес крикнул старший лейтенант Круглов, он же Вадимыч. – Дай один «смертник».

– А здесь только «Ф-ки» солдатские, офицерских «У-шек» ни одной, – ответил боец по прозвищу Золотой.

– Тебе кто такую чушь сказал – солдатские-офицерские? Просто серия разная. Давай любую...

– Есть какой-нибудь шнурок? – обратился к Александру Круглов. – Привяжи и повесь на шею, будет тебе вместо талисмана, – Вадим протянул ему дюралюминиевый жетон с выбитой надписью: «ВС СССР» и номером ниже «Ф-045174». – Давай четыре магазина себе «забей». Номер автомата какой? Так, номер 733 384. И номер жетона скажи, я запишу.

В открытом настежь дверном проеме товарного вагона мелькала жаркая заволжская степь. Солнце палило с выцветшего добела неба, и по углам стояла невыносимая духота, едва развеваемая горячим ветром, рвущимся в дверь и узкие окошки под крышей. Бойцы набивали магазины патронами, складывая их в под сумки на четыре магазина. Кто-то подшивал подворотничок, несколько человек, оставив дела, курили дешевую «Приму».

Голова Александра раскалывалась от вчерашнего, нестерпимо хотелось пить.

– Есть попить чего? – обратился он к сидевшему неподалеку сержанту.

– Только чай без сахара теплый, – ответил боец, протягивая ему армейскую фляжку.

– А пива холодного нет? – попытался пошутить Щербаков.

– Пиво Вы всё вчера выпили, товарищ лейтенант...

Да, видимо, вчера было очень хорошо, подумал Александр. А полтора месяца назад еще лучше...

«Гражданка»

А началось всё действительно месяц с лишним назад, в конце июня, когда Александр Щербаков пришел домой с ночной смены. Из почтового ящика, покрашенного серебрянкой, он вместе с местной газетой достал очередную повестку из военкомата. В повестке предлагалось приехать для медицинского осмотра офицеров запаса.

«Вот задолбали! – подумал Щербаков. – Каждые полгода вызывают-осматривают. Прошлой осенью вызывали – предлагали в армию по собственному желанию. Нашли дебилов. Что там в этой армии делать – или прибьют, или инвалидом сделают. Нет уж – кому надо, тот пусть и служит. Хотя будет повод на работу не идти – покажу повестку в бухгалтерии. Как же мне эти вагоны надоели. Нафига я после института обратно в свою дыру приехал?» – размышлял он, поднимаясь на второй этаж в родительскую квартиру.

– Мам, меня в военкомат опять... – крикнул он с порога.

– О Господи! Да когда же они вызывать-то перестанут! – послышался голос его мамы Марии Григорьевны из кухни. – Есть будешь?

– Нет, устал я. Ща «видик» посмотрю и спать буду.

– И когда в военкомат ехать?

– В четверг.

– Так тебе же «в день» на работу, – мама показала в дверном проёме зала.

– Да я Татьяне Ивановне, главбуху нашему, повестку покажу и всё, пусть отгул дают, – Сашка вставил кассету в новый «филлипс» и стал смотреть очередной американский боевик с Шварценеггером. Это было одно из немногочисленных развлечений в маленьком железнодорожном городке на реке Иловля, куда Щербаков вернулся из Волгограда после учебы в политехническом институте. Закончил он его в 1996 году и вот уже три года как работал на железной дороге осматрщиком-ремонтником вагонов.

Поначалу, возвратившись домой из политеха, Александр хотел устроиться куда-нибудь по специальности. На кузнечно-литейном заводе, находившемся в районном центре, оказалась должность замначальника цеха, но мизерной зарплаты хватало бы только на автобусные билеты, чтобы весь месяц ездить до работы и обратно.

Тогда, может, отслужить в авиационной воинской части, располагавшейся недалеко от соседнего села? До дома недалеко, да и спокойнее так – «отмучился» два года и живи спокойно. В последнее время офицеров запаса, бывших выпускников ВУЗов, стали потихоньку «выдергивать» в армию, так как офицеров вооруженных силах не хватало. Кадровые офицеры увольнялись в связи с низкой зарплатой, плохими бытовыми условиями, нестабильной ситуацией в стране.

Сразу принять Александра офицером на службу в части отказались – все вакансии заняты, да и опыта службы у Щербакова не было. Предложили временно поработать в аэродромной хозроте обычным подсобным рабочим, а если появится место, рассмотреть кандидатуру Александра на командира взвода. Но такая ситуация Сашку не устраивала, так как день был ненормированный, зарплата очень маленькая, а тут еще случай подвернулся устроиться на железную дорогу с более высокой зарплатой и совсем рядом с домом. «Авось, пронесет и не «загребут» в армейку», – подумал Щербаков и начал работать на железной дороге.

Постепенно Сашка стал миллионером, но не потому что он так усиленно работал или ему досталось наследство от богатых родственников. Просто благодаря инфляции в стране количество нулей на купюрах увеличивалось, копейки вообще вышли из обихода. За месяц Щербаков зарабатывал по миллиону, а иногда и по полтора, но богаче от этого не становился – цены также росли, и на ценниках нулей тоже прибавилось.

– Сбылась мечта простого советского человека, теперь каждый у нас миллионер! – сказал как-то Сашкин коллега Паша Пруцаков. – А хрен ли толку.

Зачем Щербаков вернулся в свой городок, окончив институт, почему не остался в большом городе? Была ведь перспектива работать на одном из волгоградских заводов помощником мастера цеха, но Александр объяснял всем свой выбор так: «Надоело жить в общежитии, вот побуду чуть дома и вернусь в Волгоград». Шли месяцы, годы, но мысли о возвращении в город-герой у Александра постепенно выветривались из головы. И не потому, что ему нравилось в родном городке, просто вот как-то жил он себе и жил, работал и работал, купил однокомнатную квартиру в центре, потихоньку делал там ремонт, порой думая: «Ну куда я поеду, тут какая-никакая работа, квартира, а там – ничего». Хотя его студенческий друг Эдик постоянно звал его в Волгоград. Там у Эдика был свой бизнес, и дела шли довольно хорошо.

Под звуки стрельбы непобедимого Арнольда Александр заснул, а проснулся, когда уже вечерело. Наскоро поев, он надел старые кроссовки и спустился во двор своей кирпичной «хрущевки».

Стоял душный июньский вечер. Из железнодорожного парка доносились гудки тепловозов и грохот вагонов, спускаемых с «горки», о чем-то переговаривались вагонники по громкой связи. «Сходить что ли за сигаретами?» – подумал Щербаков. По дороге он встретил Пашу Пруцакова, с которым работал в одной смене.

– А меня опять в военкомат вызывают, на медкомиссию, – вместо приветствия сказал Щербаков, – вот в четверг с утра поеду.

– Нам же в четверг «в день»! – ответил Пашка.

– Да пофигу, повестка есть с печатью, – подмигнул Александр.

– Как думаешь, загребут в армейку? – закуривая «Приму», спросил Пруцаков.

– Да уже сто раз вызывали. Так, посмотрят, напишут, что годен, и всё.

– Не ссы, – затягиваясь табачным дымом сказал Пашка, – сейчас войны нет, пошлют куда-нибудь в Сибирь, а если деньги есть – «отмажешься» или поблизости служить будешь. Я вот перед «первой чеченской» отслужил в стройбате. Ну, поначалу тяжело, конечно – «деды» гоняли, а потом нормально. Правда, когда домой в Грозный вернулся, вскоре война началась. Всё побросали, в том числе квартиру там, в Ленинском районе, еле уехать успели. У меня очень много чеченцев друзей было, с детства вместе в одном дворе росли, в школе учились. Один мне и помог из Грозного выбраться, когда «беспредел» начался. Асадов Шамиль его звали, одноклассник. Не знаю, где он сейчас.

– Денег я платить не буду, обойдутся. Да и нет их, денег-то. Думаю «прокатит», как и прошлые разы, – сказал Сашка.

В четверг с утра Александр сел на маршрутку, которая ходила в районный центр, и поехал в райвоенкомат. Трясаясь по «убитой» дороге, которыми славилась область, он думал, что скажут ему на этот раз.

По прибытии началась стандартная процедура медосмотра. Сашка мускулатурой не блистал, был худощавым, в своего деда. Да и зрение было не соколиное – когда смотрел телевизор, надевал очки, носить которые стеснялся. Но заключение медкомиссии было «годен к строевой службе».

После того как медосмотр завершился, всех прибывших на комиссию собрали в актовом зале, увешанном военными плакатами советских времен. Мужественные солдаты со стендов призывали защитить Отечество от проклятого капитализма, а люди в противогазах сообщали, что делать и куда бежать при атомном взрыве. В зале набралось человек двадцать парней, возрастом от двадцати с небольшим. Началась переключка. Толстый майор в новеньком кителе зачитывал список, коверкая фамилии. После этого, произнеся небольшой монолог о защите Родины, он добавил, что все присутствующие могут быть свободны, за исключением нескольких человек, в числе которых оказался и Щербаков.

– Ну что, товарищи офицеры запаса, – начал майор, – наступил и ваш черед послужить Родине. Ситуация сейчас в армии сложная, офицеров не хватает, поэтому пришел приказ из штаба округа о вашем призыве на воинскую службу в действующих частях нашей армии. На следующей неделе, третьего июля, всем прибыть в военкомат к девяти часам. Здесь вам будут вручены военные предписания о вашем распределении в воинские части. У кого какие вопросы, не стесняйтесь, задавайте.

В зале образовалась звенящая тишина, каждый сидел и переваривал то, о чем сказал толстый майор.

«Наверное, это сон, – подумал Сашка, – хреновый сон, такого просто не может быть».

– Товарищ майор, – пришел в себя первым Александр, – так ведь после военной кафедры в армию не забирают!

– Раньше не забирали, – ответил майор, – а сейчас такая ситуация в стране и армии сложилась. Ничего страшного, войны сейчас нет, армия вам только на пользу пойдет, да и вообще, этот вопрос не обсуждается. Все вы офицеры запаса, годные к строевой службе, а приказы командующего округом, как я уже сказал, не обсуждаются.

– А у меня недостаток веса и зрение плохое, – цепляясь за последнюю надежду, сказал Щербаков.

– Вас, товарищ Щербаков, на военной кафедре на кого учили?

– На командира танкового взвода...

– Ну, так в танке Вам очки не понадобятся, там на командирском прицеле резкость любую сможешь навести. А вес как раз в армии и наберешь, – попытался пошутить майор, – в общем, сейчас езжайте домой, а третьего июля всем в девять ноль-ноль быть у военкомата. Отнеситесь к этому серьезно, чтобы мне лишний раз не напоминать про уголовную ответственность и с милицией вас не искать. Сейчас все получите у меня повестки и распишитесь в них на третье.

Но Сашка не собирался просто так сдаваться. Он снова пошел в кабинет, где заседала медкомиссия, и выяснил, что завтра в Волгоград едут призывники, служба которых в армии под вопросом по состоянию здоровья. Там должен состояться еще один медосмотр, на котором могут дать окончательное заключение – годен призывник к воинской службе или не годен. Уповав на свой недостаток веса и слабое зрение, Александр добился того, чтобы его включили в команду призывников, убывающих завтра на окончательное медицинское освидетельствование. Дома он не стал расстраивать родителей и говорить, что его забирают в армию, в надежде на то, что не всё еще потеряно. Сказал лишь, что едет в Волгоград на ещё одну медкомиссию, дескать, сейчас такие правила в военкомате.

На следующий день, в пятницу, Щербаков вновь приехал к зданию райвоенкомата. Там уже собралась толпа человек в шестьдесят призывников, большинство из которых не горели желанием отправиться в армию и таким образом доказать свою любовь к Родине. Многие на больных совсем не походили, по крайней мере, на первый взгляд. Юноши маргинального вида, одетые в спортивные «адидасовские» костюмы и побритые наголо, провинциальная «золотая молодежь», которых папы привезли к военкомату на подержанных иномарках, студенты, завалившие сессию и отчисленные из институтов и училищ. Весь этот коллектив под руководством офицеров военкомата погрузился в старые «Икарусы» и отправился в Волгоград. Общее настроение: «как «откосить» от армии за минимальные средства», поэтому лица у всех ребят деланно-грустные, и, глядя на них, просто хотелось всех пожалеть и отпустить по домам.

В Волгоградский областной военкомат в этот день прибыло много таких «Икарусов», «ПАЗиков» и «ЛАЗов» из других районов области, с такими же призывниками, поэтому очередь в кабинеты медосмотра стояла невероятная. Из последнего кабинета часть ребят выходила с плохо скрываемой радостью об очередной отсрочке, но большая часть с действительно грустными и несчастными лицами. С таким же несчастным лицом вышел и Сашка Щербаков. Перед этим, с колотящимся от волнения сердцем, он переступил порог кабинета, в котором

за столом, заваленным личными делами и медицинскими картами призывников, сидел худой майор с петлицами медицинских войск. Поверх кителя был накинут белый халат не первой свежести. Майор сидел и, не отрываясь, что-то записывал в личном деле.

– Фамилия, имя, отчество... – не поднимая головы спросил майор. – На что жалуемся?

– Щербаков Александр Николаевич. У меня недостаток веса, – ответил Щербаков.

– Так, вставай на весы. Н-да, не хватает до нормы. Школу когда закончил? – вновь спросил майор.

– Да я уже институт закончил, три года назад. Работаю уже, – глядя на лысеющую голову майора сказал Сашка.

– Офицер запаса? – оторвался от писанины майор.

– Да, военная кафедра, офицер запаса, на танкистов учили.

– У, брат, ну недостаток веса на офицеров не распространяется, ничем помочь не могу, – он открыл медицинскую карту Щербакова, полистал её, – остальное всё в норме.

– А как же зрение, у меня минус полтора, – с последней надеждой в голосе спросил Сашка.

– Офицеры служат с еще более низким зрением, а у тебя в танке на командирском прицеле резкость наводится. Так что извини, годеи без ограничений.

– Товарищ майор, ну Вы хоть какие-нибудь рекомендации дайте, как мне вес набрать...

– Ешь больше, – опять углубившись в написание очередной резолюции произнес майор. –

И позови следующего.

Дома, конечно, все были в шоке. Мама плакала, отец хмуро курил на кухне. Один Сашка оставался спокоен. И это не потому, что ему было всё равно. Просто он до конца еще не осознал, куда его забирают и что ему предстоит. Мало того, в глубине души он даже радовался таким коренным переменам в жизни. Железная дорога с её ночными сменами, скучная жизнь уездного городка, отсутствие какой-либо конкретной жизненной цели – всё это тяготило Александра. Сам он в своей судьбе что-то менять не решался, плыл вот как-то по течению и всё. А тут, волею случая, грядет совершенно другая жизнь, всё абсолютно другое. О том, как всё это будет, Александр на данный момент не задумывался. Сейчас в его голове крутились картинки, как он приедет в отпуск в военной форме, с лейтенантскими погонами, зайдет к себе на ПТО...

Почти все друзья Щербакова в своё время отслужили в различных войсках нашей доблестной армии, и во время каких-нибудь застолий или праздников, когда ребята начинали вспоминать свою службу, случаи из армейской жизни, Александр чувствовал себя довольно «неуютно». Он стеснялся того, что армию видел только в кино, а автомат в руках держал всего два раза в жизни – в школе на НВП и в институте на сборах. Поэтому Щербаков старался перевести разговор на тему, более общую и понятную для всех.

Когда Щербаков учился в школе, Сашкин отец Николай Васильевич не раз говорил ему: «Окончишь школу – пойдешь в армию! Каждый настоящий мужчина должен отслужить, должен почувствовать трудности армейской жизни. Это, можно сказать, школа мужества! Потом в жизни легче будет. Отслужишь, а уж потом поступай хоть в институт, хоть в университет». Но когда в конце восьмидесятых начались военные конфликты в союзных республиках, когда огромный и некогда нерушимый Советский Союз с треском разваливался на части, когда стали привозить «груз двести» из воинских частей родителям, отдавшим своих детей в «школу мужества», мнение отца переменялось. «В институт тебе надо поступать, где есть военная кафедра, – теперь говорил он, – после кафедры в армию не берут, будешь офицером запаса. Смотрю, сейчас это не «школа жизни», а школа «выживания». Не затем мы тебя растили. Они там делят что-то, а дети гибнут ни за что...»

Мать, конечно, тоже разделяла новую точку зрения отца, да и Сашка не горел большим желанием служить в армии. Прошли те времена, когда парни стремились в армию, когда это считалось «круто», когда ты этим мог гордиться. Сейчас стало «круто», если ты от армии

«откосил». Поэтому одним из критериев выбора института у Александра являлось наличие в нем военной кафедры. В Волгоградском политехническом институте такая кафедра была...

На работе новость о том, что Александра Николаевича Щербакова забирают в армию, всколыхнула весь коллектив, все четыре смены, тем более, что был замечательный повод «отметить это дело». На проводах собрались все, кто только мог и не работал в этот день – человек тридцать. С этими людьми Александр проработал на ПТО (пункте технического осмотра вагонов) почти три года. Отношения с большинством собравшихся у Сашки сложились хорошие, так как человек он был очень общительный и миролюбивый, да и выглядел в свои двадцать четыре лет на семнадцать из-за своего худощавого телосложения, поэтому все относились к нему, как к младшему брату.

Как-то раз, во время школьного выпускного вечера, он случайно проходил мимо своей школы. Два года назад он закончил институт и уже всюду трудился на железной дороге. Александр подошел к спортзалу, где давно гуляли недавние одиннадцатиклассники, их родители и учителя, отмечая очередной выпуск. Выпускники танцевали под «Кар-Мэн» и плачущую Таню Буланову, периодически выбегая за угол школы покурить и выпить что-либо крепче шампанского градусов эдак на тридцать. Чей-то подвыпивший папа взял Александра за руку, завел в спортзал и, глядя на ничего не понимающего Сашку, произнес: «Вам чего, шампанского мало? Вас что, по одному ловить надо, чтобы вы за углом не бухали? Иди за стол садись!» Как потом выяснилось, папа принял худенького Александра за одного из выпускников.

Проводы Щербакова отмечали в зале техники безопасности, окруженные манометрами, автосцепками «в разрезе» и изображениями хмурых железнодорожников в оранжевых жилетах. Шашлыки, самогон, песни Александра Лаэртского в исполнении Пашки Пруцакова под гитару... Мужики вспоминали свою службу в армии, молодые парни свою. Каждый старался рассказать какую-нибудь историю из своей армейской жизни, а так как запоминается в основном только хорошее или смешное, то по рассказам можно было сделать вывод, что служба в армии не такая уж и тяжелая, а, напротив, большей частью веселая и беззаботная.

Третьего июля Щербаков прибыл в военкомат. Стояло жаркое июльское утро, но на душе у Александра пасмурно и тревожно. Немного поредевшая после рейса на медосмотр в Волгоград толпа призывников толпилась у ворот военкомата. Часть новобранцев совсем молодые, недавно окончившие школу. Несколько человек, офицеров запаса, бывших студентов, стояли немного в стороне и молча курили. Сашка заметил одного знакомого парня, стоявшего с ними.

– Чё, пацаны, тоже «загребают»? – спросил Щербаков. – Куда неизвестно?

– Загребают, суки, – ответил один. – И «бабок» нет «отмазаться». Чё, бля, кадровых что ли нет? Я институт три года назад окончил, а кафедру вообще пять лет назад, ничего не помню, да и сами знаете, как в институте зачеты за «пузырь» сдаются. А у меня семья, дочь недавно родилась.

Остальные в подтверждение загалдели, вспоминая, как они «сдавали» «тактику» и огневую подготовку в институте. Один знакомый Александру краснощёкий парнишка стоял поодаль, молча поглядывая по сторонам. Отец краснощёкого занимал некое положение в администрации города, поэтому насчет службы парнишка особенно не переживал – всё уже было оплачено, и в военкомат он прибыл только для вида. У остальных ни денег, ни связей таких не имелось.

Толстый майор, который, как показалось Сашке, еще более раздался вширь, вручил Щербакову предписание: прибыть шестого июля в штаб Северо-Кавказского военного округа в городе Ростов-на-Дону для распределения в одну из воинских частей нашей необъятной Родины.

На перроне Щербакова провожали родители, друг Костя Акчурин с женой Валею и маленьким сыном Ванюшкой. Отец пытался сдерживать слёзы, а мама, как будто предчувствуя что-то, слез не сдерживала, отчего Александр чувствовал себя неловко.

«Ты позвони по возможности сразу, – говорила мать, – попроси уж, чтобы тебя куда поближе распределили, крайний случай хоть куда, лишь бы не на Кавказ», – накануне мама вспоминала о Роме Тулине – однокласснике Александра. Ромка был веселым парнем, шутником, хорошо рисовал, душа компании. Роман Тулин погиб в первую чеченскую в Грозном при штурме вокзала 31 декабря 1994-го. Целых четыре года он считался пропавшим без вести. Наконец, совершенно случайно, его нашли в «холодильниках» Ростова-на-Дону, среди неопознанных погибших бойцов, привезли в родной город и похоронили. Сашка как раз работал в дневную смену и видел похоронную процессию, видел солдат, несущих гроб с одноклассником по центральной улице, видел множество горожан, провожавших Ромку в последний путь. «За что? Зачем?» – думал он в те минуты. Ответа не было ни тогда, ни сейчас.

Подошел поезд.

– Документы все взял? Предписание, военный билет? – не успокаивалась мама.

– Да взял я всё! Взял! – нервничал Александр. – Может, паспорт взять всё-таки? – Щербаков вопросительно посмотрел на отца.

– Не надо паспорт, потеряешь еще, потом восстанавливай, – ответила за отца мама. – У тебя военный билет есть и предписание. Паспорт дома лежит, никуда не денется.

Последний раз обнявшись с отцом, поцеловав мать, Александр подхватил черную сумку с белой надписью «СССР», в которой были собраны вещи «на первое время», и скрылся в вагоне.

Ростов-на-Дону. Штаб СКВО

В Волгограде к Александру в плацкартный вагон подсел майор войск связи, ехавший со своей женой в отпуск. За бутылкой коньяка, которым угостил офицер, они быстро познакомились, и Щербаков рассказал ему свою невеселую историю о призыве в армию.

«Не грусти, – сказал майор, – войны сейчас нет, пошлют куда-нибудь в Сибирь, два года – не двадцать пять лет, как в царские времена, пролетят быстро. Главное, поставь себя сразу как командир. На поводу у солдат не иди, а то они люди такие, особенно «деды» и дембеля. Поблажек им никаких, всё по уставу, в противном случае сядут на шею и ножки свесят. Это я по своему опыту – по-доброму с ними нельзя. В общем, куда солдата ни целуй – везде жопа, как говорят у нас в армии. Познакомись с офицерами, они тебе помогут в жизнь армейскую втянуться».

После пары забавных случаев из офицерской жизни и полбутылки армянского коньяка Щербаков совершенно расслабился и заснул уже без тягостных мыслей о будущем.

Выйдя из вагона в Ростове, Александр отправился искать гостиницу, так как в штаб округа ему нужно было явиться завтра к десяти часам утра. Первые злоключения начались еще на привокзальной площади в Ростове, и всё из-за того, что Сашка не взял паспорт. Большая сумка сразу привлекала внимание ментов-ППСников – они тут же останавливали проверять документы. Для ростовских милиционеров военный билет и предписание с печатью, видимо, не являлись документами, подтверждающими личность человека. Приходилось очень долго доказывать, что ты не «индюк» и прибыл в штаб СКВО, а в сумке у тебя не взрывное устройство. Причем сцены обыска проходили прямо на глазах у прохожих. В отделение милиции не забирали, но Сашка чувствовал себя в крайней степени униженным. Наглости и хамству ростовской милиции не было предела. Щербаков был беззащитным в чужом городе, и «охранять мирный покой» таких «граждан» ему хотелось еще меньше. В гостиницы тоже без паспорта не селили, даже в гостиницу «Звезда», хотя там проживало много командированных военных, путь закрыт – по военному билету не заселяли. Подвергаясь очередным обыскам и проверке документов, Александр с трудом добрался обратно до железнодорожного вокзала. Там он сразу направился к дежурившим милиционерам.

«Товарищ лейтенант, – обратился он к старшему по званию, – у меня такая проблема», – и Щербаков рассказал ему про историю с паспортом, который якобы у него забрали в военкомате на хранение, про предписание прибыть в штаб СКВО, про «обыски» и невозможность заселиться в гостиницы, – «Посоветуйте, что мне делать? – закончил он. – Или забирайте сразу в «обезьянник». Призвали в армию служить, а из меня на каждом шагу преступника делают».

Лейтенант, как ни странно, с пониманием отнесся к «приключениям» Александра. Проверив военный билет и предписание, он сказал: "Сейчас иди на второй этаж, там гостиница при железнодорожном вокзале. Попроси в регистратуре, чтобы тебя поселили по военному билету, ну если не поселят, возвращайся, что-нибудь придумаем. И по городу лишний раз не шляйся, раз у тебя такая ситуация с паспортом."

Тем временем, дома мама пошла к бабушке-гадалке, узнать, что ждет её сына. Бабушка жила на окраине в полуразвалившейся избушке, пополняя свою небогатую пенсию предсказаниями и различными приворотами-отворотами. Она долго жгла церковные свечи, раскладывала карты и молилась на закопченные иконы.

«Не волнуйся, – сказала старушка, – сын будет служить недалеко от дома. Живой будет. Вижу, что всё будет у него хорошо».

Немного успокоенная мама вернулась домой и всё в подробностях рассказала отцу.

«Не верю я всем этим гадалкам, – ответил отец. – Ну раз ничего плохого не сказала, и то хорошо. Ты, мать, не переживай, ему что, десять лет, что ли? И войны, слава Богу, нет никакой. Может, и правда, где рядом служить будет».

В гостиницу Александра поселили, вопрос решила шоколадка и жалостливый рассказ о призыве в армию. Женщина-регистратор средних лет определила Сашку в восьмиместный номер эконом-класса. В номере, больше напоминавшем, по представлению Щербакова, казарму, было занято всего две кровати. Мужик с сыном-подростком оказались земляками Сашки, как говорится, «земля круглая», правда, в его городе они жили не так давно – бежали из Казахстана, когда там начались беспорядки и притеснения русских. Попив чаю с бутербродами, Александр улегся спать, заново переживая все сегодняшние неприятности.

На следующее утро Щербаков, взяв с собой только «военник» с предписанием и оставив привлекающую ростовских блюстителей порядка сумку, направился в штаб округа. Смешавшись с толпой ростовчан и гостей города, он уже ничем не привлекал к себе внимания. На КПП штаба он предоставил документы дежурному по штабу капитану, тот зарегистрировал Щербакова в журнале, куда-то позвонил и после сказал Сашке: «Тебе в сорок шестой кабинет, на четвертый этаж к подполковнику Кудасову. Он занимается распределением».

Александр по лестнице поднялся на четвертый этаж, нашел нужный кабинет и робко постучал в крашенную бежевой краской деревянную дверь.

«Разрешите войти, товарищ подполковник, – Сашка перешагнул порог кабинета. – Лейтенант запаса Щербаков прибыл на распределение для прохождения воинской службы», – отработовал Александр и подумал: «Какие странные слова, просто сон какой-то. Лейтенант Щербаков – нонсенс».

На столе стояла красивая чернильница в виде танка Т-34 с откинутыми на башне люками и торчащими из них карандашами и шариковыми ручками. За столом, на котором громоздилась куча бумаг, стояла лампа с зеленым абажуром («Прямо как у Ленина», – промелькнуло у Александра), сидел пожилой лысеющий подполковник Кудасов с лихо закрученными буденновским усами.

– Проходи, присаживайся. – расправил усы подполковник. – Давай документы. Так, значит. Что, говоришь, заканчивал?

– Волгоградский политех, – ответил Александр.

– Значит, из Волгоградской области? – вынул из чернильницы ручку Кудасов. – И на кого учили на кафедре? На танкиста? – вчитывался он в военный билет. – Рядом с домом служить хочешь? – неожиданно сказал он.

Сашка не поверил своим ушам!

– Конечно, хочу! – выпалил он. – А что для этого нужно сделать?

– Пойди на первый этаж в буфет, купи две бутылки минеральной воды, только холодной, а то что-то сушняк какой-то с утра.

Александр не понимал, шутит офицер или нет. – Может чего покрепче, товарищ подполковник? – вскочил Щербаков.

– Воды, лейтенант, да побыстрее, пока у меня настроение хорошее! – нахмурился Кудасов. – Покрепче вчера было.

Сашка сорвался с места, мигом слетел на первый этаж, нашел буфет, купил три «полторашки» минеральной воды и через десять минут уже опять сидел у Кудасова в кабинете, наблюдая, как он пишет очередное предписание.

«Значит, так, – осушив стакан холодной минералки, сказал полковник, – убываешь в Волгоград в воинскую часть 22220. На КПП отдашь вот это предписание. Там тебе всё скажут».

Александр был на седьмом небе от счастья! Служить рядом с домом, может, даже в Волгограде! О таком он и мечтать не мог. Надо срочно позвонить родителям, обрадовать. По пути, зайдя на переговорный пункт, он позвонил домой. Трубку взяла мама.

«Мама, привет! Меня служить в Волгоград направляют, рядом с домом, сегодня в Волгоград еду, в штаб дивизии! Скажи отцу, что всё хорошо!» – радостно кричал в трубку Сашка.

– Вот, а ты говорил «не верь гадалкам», – на кухне мать укоряла отца, – а ведь гадалка так и сказала «служить рядом с домом будет».

– Ну и слава Богу, – соглашался отец. – Волгоград не Сибирь, тем более не Кавказ.

Сашка, опасаясь милицейских «обысков», осторожно пробрался в свой гостиничный номер на вокзале и до вечера не выходил оттуда. Все отрицательные впечатления о «гостеприимном» Ростове были стерты неожиданным поворотом событий. Вечером, сев на поезд до Волгограда, Щербаков забрался на верхнюю полку и долго не мог заснуть, вспоминая свою поездку и размышляя о том, как дальше повернется его судьба.

Штаб 20-й Дивизии

И вот он, родной Волгоград, который Александр любил с детства. Каждое лето он приезжал сюда на каникулы к бабушке с дедом. Родители мамы жили в пригороде, но Сашка каждый раз просил деда отвезти его в город. Здесь он впервые, еще школьником, проехался в скоростном трамвае по подземным туннелям, прокатился в лифте, который он видел только по телевизору, поел ананасов в ресторане – экзотика в СССР. А как его поразила набережная с её широкими ступенями, спускающимися к великой Волге, фонтан «Дружба народов»! Но самое большое впечатление, конечно, оставила Родина-мать. Рядом с ней Александр чувствовал себя муравьем. Глядя ввысь, на меч, который резал бегущие по небу облака, Сашка думал, что памятник вот-вот упадет на него, но Родина-мать всё так же величественно стояла, глядя на огромный город, который не сдался врагу.

Выйдя из вагона, Щербаков первым делом отыскал в огромном вокзале окошко с надписью: «Военный комендант». Заглянув в него, он увидел сидящего капитана, читавшего замасленную с одного конца газету «Советский спорт».

«Товарищ капитан, – обратился Александр, – меня направили в воинскую часть номер 22220, подскажите, где она находится», – и он протянул воинский билет с предписанием, выданным подполковником Кудасовым. Капитан, внимательно изучив «военник» и предписание, начал: «Это штаб дивизии, в центре, на площади Чекистов. Проехать можно...», но Щербаков и так знал, где это. Схватив протянутые документы, Александр быстрым шагом направился к выходу из вокзала.

«Служить в штабе дивизии! В центре Волгограда! Кто о таком мог мечтать? Знал бы, ящик коньяка бы купил Кудасову за такой подарок, если б деньги были», – думал Щербаков. Сев на привокзальной площади в троллейбус, шедший в направлении площади Чекистов, Сашка предавался радостным мечтаниям о службе в большом городе, в котором он всегда хотел жить. Бабушки рядом, родители недалеко, все друзья здесь – не служба, а мечта!

С трудом открыв огромную дверь, отделанную в стиле сталинского ампира бронзовыми звездами и снопами колосьев, перевитых лентами, он очутился перед застекленной будкой контрольно-пропускного пункта штаба 20-й Гвардейской мотострелковой дивизии. Объяснив дежурному майору, кто он и зачем сюда прибыл, Александра направили в один из кабинетов к майору Александрову. Там должна окончательно решиться его судьба, но это оказалось только начало долгого пути. Сначала Щербаков долго петлял по узким коридорам с высокими потолками, пытаясь найти нужный кабинет. Потом, прислонившись спиной к стене, крашеной светло-зеленой краской, часа полтора ждал майора Александрова, отсутствовавшего по каким-то более важным делам. Мимо Александра по коридору сновали люди в военной форме, сияя маленькими и большими звездами на погонах. Наконец появился он – повелитель судьбы Сашки. Повелитель представлял собой маленький толстый бочонок в новом кителе, увешанном орденами планками.

– Тебе чего здесь? – с некоторым пренебрежением посмотрел он на вытянувшегося вдоль стены Сашку.

– Товарищ майор, лейтенант Щербаков прибыл для прохождения воинской службы! – доложил Александр и протянул военный билет с предписанием.

– Куда прибыл? – проходя в кабинет спросил майор.

– Сюда, – растерялся Сашка.

– Где здесь написано, что сюда, лейтенант? – повысил голос Александров.

– Ну, мне сказали... – начал было Щербаков.

– На базаре... – продолжил майор, – Сказали ему... Какое училище заканчивал? – еще не открыв документы, спросил «повелитель».

– Я не училище, я институт закончил, – посмотрел на него Щербаков.

– «Пиджак», значит, – ухмыльнулся майор. – Ну понятно тогда, – Александров уселся за свой широкий стол, крытый зеленым сукном. С портрета на стене хитро прищурился Борис Николаевич Ельцин, первый президент Российской Федерации.

– Вот скажи, – майор глянул на фамилию в военном билете, – Щербаков, вот нахрена вас в армию призывают, а? Ты что-нибудь с кафедры своей военной помнишь? – он вновь заглянул в «военник». – Танк вообще видел, так, чтобы не на картинке?

– Видел, – с нарастающим раздражением сказал Сашка. – А нахрена призывают, – передразнил он майора, – хрен его знает, не очень-то и хотелось! Я сам не напрашивался!

Александров выкатил глаза от такого неожиданного выпада.

– Ну ты тут поосторожней в выражениях! Шлют и шлют таких вот студентов. И что с вами делать? Ничего не помните, нифига не умеете – скорей бы два года «отмотать» и домой, – майор раздраженно повертел предписание в руках. Затем он открыл большой серый сейф, стоящий в углу кабинета, достал какие-то папки и стал копаться в бумагах. Минут через пять непонятной для Щербакова деятельности Александров достал из стола новый бланк предписания и стал что-то писать на нём неразборчивым почерком.

– В общем, так, в твоём районном городе стоит мотострелковый полк с приданным танковым батальоном, – майор вытащил из того же серого сейфа круглую печать, нежно подышал на неё и шлёпнул ей в только что написанный текст, – прибудешь туда завтра в штаб полка с новым предписанием. Пойдешь в строевую часть, там тебе всё скажут – куда и зачем, – он протянул военный билет и новое предписание с непонятными каракулями, отчасти скрывавшимися за круглой фиолетовой печатью с двуглавым орлом и надписью: «Войсковая часть № 22220».

Только когда за спиной Александра захлопнулись двери штаба дивизии, он понял, что ему всё-таки неожиданно повезло – его отправляют служить в воинскую часть всего в двадцати километрах от его родного дома! Почему так произошло, так и осталось загадкой для Щербакова. Видимо, стечение обстоятельств или кто-то с неба, устав смотреть на бесконечные перемещения человека, вырванного из обычной размеренной жизни, решил всё-таки поставить точку в этом движении. Но на самом деле это была очередная запятая.

Дома, со слезами на глазах, его встречали родители, засыпая вопросами. Щербаков просто не успевал отвечать на каждый. Ростовские приключения «с паспортом» в привычной домашней обстановке не казались такими ужасными, а майор Александров не таким уж и злым, тем более, что самой большой радостью для Сашки и его родителей было – сын будет служить рядом с домом. Весь вечер Сашка пролежал в ванне, отмокая от бесконечных переездов – сил поделиться с друзьями и товарищами по работе у него уже не было.

«Вот приеду в военной форме, тогда всё и расскажу», – засыпая, подумал он.

Штаб полка

На следующее утро, часов в восемь, захватив военный билет с предписанием, а также неизменную черную сумку с белыми буквами «СССР», в которой лежали самые необходимые вещи, Александр на маршрутке отправился в свой районный центр, куда не раз приезжал в военкомат и где, по предписанию майора Александрова, ему предстояло служить. Опять та же разбитая дорога, скрипящая на выбоинах маршрутка и бабушки, обсуждающие своих непутевых внуков.

Воинскую часть Щербаков искал недолго – она располагалась почти в центре города и протянулась вдоль берега Волги. Сначала помощник дежурного по КПП сержант-срочник не хотел пропускать Щербакова, приняв его за гражданского, но, проверив документы, впустил внутрь. Дежурный по контрольно-пропускному пункту прапорщик позвонил в строевую часть, и минут через десять за Александром пришел посыльный солдат. Он сопроводил Щербакова до штаба полка, где находилась строевая часть.

Огромный штаб располагался в четырехэтажном здании бывшей авиационной школы. Белые квадратные колонны подпирали фронтон крыши с красовавшимися на нём пятью орденами героического гвардейского полка, образованного в далеком 1942 году. Широкие асфальтированные дорожки чисто выметены, бордюры выбелены побелкой. День только начинался – с утреннего построения повзводно строевым шагом расходились воинские подразделения. В еще не жарком утреннем воздухе раздавались армейские песни. Запевалы, кто басом, кто фальцетом, старались перекричать соседний взвод, и всё это армейское творчество, топот сотен солдатских ног, обутых в кирзовые сапоги, слышалось во всех уголках огромной полковой территории.

«Строевая» – одно из внутренних ведомств воинской части, через которую проходит и в которой хранится вся информация о личном строевом составе. Широкие каменные ступени, отполированные за долгие годы солдатскими сапогами и офицерскими берцами, вели на второй этаж, где она и располагалась. Начинался армейский день, по коридору с множеством кабинетов быстрым шагом проносились посыльные, торопились офицеры различных званий – каждый чем-то занят. На Щербакова никто не обращал внимания. На дверях, обитых оцинкованным железом, висела табличка с надписью: «Строевая часть».

«Вам сюда», – солдат, сопровождавший Александра, ткнул пальцем в табличку. Постучавшись, Александр заглянул в кабинет за железными дверями. Небольшое помещение занимали трое сидящих за столами с документами сержантов-срочников. Они что-то писали в толстых журналах, заглядывая в экраны компьютерных мониторов.

– Вы к кому? – оторвался от монитора один из солдат.

– Да я точно не знаю, – ответил Щербаков, – сказали в «строевую», а к кому – не сказали. Наверно, к самому старшему. Он, вероятно, скажет, где я служить буду.

– Сейчас, – солдат нехотя встал из-за стола и постучался в двери кабинета, который находился слева за стеной. – Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться, тут к Вам, наверное, пришли.

– Проходите, – сержант обернулся к Александру. Сашка переступил порог следующего кабинета. В небольшом помещении, заставленном картотечными ящиками с ярлычками «от А до Я» и несколькими сейфами, располагалось два стола, за одним из которых сидел молодой старший лейтенант с едва заметной иссиня-черной щетиной.

– Старший лейтенант Дегтярев, – представился он. – Вы к кому и по какому вопросу?

По тону лейтенанта Щербаков определил, что, несмотря на утро, дел у чернявого было полно. Протянув документы, Александр коротко пересказал события последних дней, закончив на том, что его отправили служить сюда в качестве командира взвода, правда, какого, не

уточнили. Дегтярев открыл «военник», прочитал предписание, выданное в дивизии, с трудом переводя на русский язык каракули майора Александра.

– Что заканчивал? – он повернулся к одному из картотечных ящиков и достал картонную папку с веревочными тесёмками. «Щербаков Александр Николаевич» – аккуратными буквами вывел он на титульном листе папки под надписью: «Дело №».

– Волгоградский политех, – ответил Щербаков.

– А я сельхоз, – переписывая данные из «военника», сообщил старший лейтенант. – Андрей, – он протянул через стол руку Александру. – На танкиста учили? А я пехота, вот три года назад призвали, остался по контракту. А чего на «гражданке» делать? Работы нет нормальной, а тут в штабе неплохо – сижу, бумажки перебираю. Гемора, конечно, много, но уж лучше здесь, чем без работы. Смотрю, мы земляки. Ты в какой школе учился?

– В седьмой.

– О! И я в седьмой, – улыбнулся Андрей. – Значит, танкист, говоришь. Знаешь, нашему полку придан танковый батальон, но он находится под Волгоградом, – Дегтярев что-то записывал в папку «Дело». – Я сейчас зам по строевой, а майор Копытов в отпуске. Ща что-нибудь сообразим.

В этот момент в кабинет заглянул старший лейтенант с петлицами артиллериста. – Андрюха, – он кинул мимолётный взгляд на Щербакова, – ну чё там с отпуском, я уже рапорт неделю назад написал!

– У комполка он, – ответил Андрей. – Кстати, тебе «пиджак» нужен? – он кивнул в сторону Сашки.

Александр сначала не понял, про какой пиджак сказал Дегтярев, но потом вспомнил, что «пиджаками» называли офицеров, проходящих срочную службу, которые не заканчивали военных училищ, а учились на военной кафедре своего высшего учебного заведения. Слово «пиджак» показалось Щербакову несколько обидным, но по сравнению с событиями последних дней это было сущей ерундой.

– Не, «пиджака» не надо. Скоро выпуск в училищах, кадрового подожду, – снова едва взглянул на Сашку артиллерист. – Как рапорт подпишут, сразу посыльного пришли, или позвони лучше! – И он скрылся за дверью.

– Видишь, не жалуют нашего брата в армии, меня тоже сначала недолюбливали, но теперь уж и забыли, что я не кадровый, уже четыре года служу, скоро «капитана» должны дать, – Андрей закончил писать в личном деле Щербакова. – Короче, Саша, я тут все данные заполнил и тебе новое предписание написал, на командира танкового взвода. Танковый батальон стоит под Волгоградом, в пригороде. Там мотострелковый полк расположен, на его территории две наших танковых роты и штаб танкового батальона, а третья учебная в Анисовке, километров сорок-пятьдесят от Волгограда, – Дегтярев протянул Александру его военный билет с вложенным в него очередным предписанием. – В понедельник, двенадцатого, поедешь в штаб танкового батальона, там есть некий майор Купцов – комбат. Оттуда уже дальше какого-нибудь танкового взвода не пошлют, – улыбнулся Андрей. – Я написал, что дата прибытия послезавтра, поэтому сейчас езжай домой, собирайся. Много вещей не бери, в армии всё бесплатно выдают, – он подмигнул и еще раз протянул руку, прощаясь.

За территорию полка Щербакова вывел тот же солдат, по пути «стрельнув» сигарету.

«Вот блин, – подумал Александр, – когда же это всё закончится? То в Ростов, то в Волгоград, то домой, сейчас обратно в Волгоград. Жопа какая-то. Ну в Волгограде всё же лучше, чем совсем рядом с домом. Задрала эта провинция», – размышлял Сашка, медленно направляясь на автовокзал.

Дома всё равно все радовались такому обороту обстоятельств. Сын будет служить почти рядом с домом – не в Сибири, а главное, не на беспокойном Кавказе. Весь вечер Александр перебирал вещи для очередной поездки, в результате взял только пару сменного нижнего

белья, «мыльно-рыльные» (позже он узнал, что так в армии называются туалетные принадлежности), немного денег на первое время. Подумав, положил в сумку свои очки, которые надевал только когда смотрел телевизор или был за рулем старенького отцовского «Запорожца». Паспорт решил всё же не брать – вроде в своей области служить собирается, да и военный билет тогда на что?

Под утро в понедельник небо затянуло тучами, непродолжительный июльский ливень обрушился на высушенную землю. Александр надел черные осенние полуботинки (не в сапогах же идти, тем более в армии «берцы» выдадут) и с неизменной сумкой «СССР» отправился на автобус, идущий до Волгограда. Мать и отец пришли проводить сына. Отец был более спокоен, чем перед отъездом Александра в Ростов, мама же опять не смогла сдержать слёз – как же, единственный ребенок в семье уезжает в какую-то армию.

«Да вы не волнуйтесь, – на прощанье сказал Александр, – тут езды-то до вас от Волгограда всего-ничего. Буду домой приезжать по возможности. В общем, всем привет. Как устроюсь – позвоню».

Щербаков обнял отца, поцеловал мать и сел в издавший виды «Икарус». Извергая клубы черного дыма, растворявшегося в последних каплях дождя, автобус тронулся и вскоре скрылся за поворотом.

Добро пожаловать... (понедельник)

Вот он снова, любимый город! Наконец-то судьба распорядилась так, что Щербаков вернулся сюда. Пусть не по своей воле, но вернулся. Будет служить здесь и уж теперь приложит все силы, чтобы здесь и остаться. Неважно, в армии или еще где, но остаться в городе, в который стремился с детства. Почему-то о плохом совсем не думалось, мысли были о новой жизни, совсем другой. О том, что волею случая он вырвался из скучного провинциального болота, оторвался от пропитанной креозотом железной дороги и перед ним открывается совершенно иная, наверно, довольно интересная перспектива.

Шагая по широким улицам Волгограда, Сашка ликовал в душе. Ему хотелось прыгать и танцевать. Он уже видел себя в новенькой военной форме с золотыми звездочками на погонах. Представлял, как он приедет домой и как все будут поражены переменами в его не столь примечательном до недавнего времени облике. Даже раскаленный полуденным июльским солнцем асфальт и жаркий ветер, пропитанный автомобильными газами, не могли омрачить его прекрасного настроения.

Желтый автобус, некогда собранный дружественными венграми, увозил радостного Александра от центра города к его окраинам, где располагался нужный ему мотострелковый полк. С детства этим же маршрутом он ездил к своей бабушке. Не доехав всего одну остановку, на которой он бесчисленное множество раз выходил, начиная с детсадовского возраста и заканчивая учебой в институте, Щербаков прыгнул с подножки остановившегося «Икаруса».

Чуть дальше по шоссе начинались постройки депо узловой станции, вдали виднелись домишки частного сектора и кирпичная башня водокачки. Полуденное марево колыхалось над плавившимся от июльского зноя асфальтом. Сухой ветер поднимал пыль с обочин дороги и гнал её в сторону железных ворот воинской части, находившейся метрах в пятидесяти от остановки. Слева от ворот на бетонном пьедестале возвышалась «БМП» цвета выжженной солнцем травы с белыми окантовками по бортам и ободу колес.

По асфальтированной дорожке, переметаемой степным песком и источающей жар сковородки, Щербаков зашагал к контрольно-пропускному пункту полка. Он проклинал черные осенние полуботинки, надетые перед отъездом. «Надо было кроссовки обуть старые или сандалии», – думал Сашка, направляясь к спасительной тени КПП. Примыкая одной стороной к забору из бетонных плит, высилась будка контрольно-пропускного пункта. Из-под её основания выскочила дворняга, молча обнюхала штанину Сашкиных джинсов и, видимо, решив, что ничего вкусного не будет, трусцой возвратилась назад. Сверху из КПП за Щербаковым и действиями полкового пса без особого интереса наблюдал солдат. Достав из сумки очки, Александр разглядел на его рукаве красную повязку с трафаретной надписью белой краской «Помощник дежурного по КПП». Несмотря на испепеляющую жару, «помощник» стоял в бронежилете, зеленая каска на стриженной «под ноль» голове немного съехала набок.

– Где дежурный? – Щербаков снял очки и засунул в карман рубашки.

– Тебе зачем? – солдат нехотя перевесил автомат с одного плеча на другое. – Есть чё курить?

– Есть, дежурного позови, – Щербаков достал из заднего кармана немного помятую пачку «L&M».

Солдат скрылся внутри будки, через некоторое время в окне показалась заспанная физиономия старшего лейтенанта с алюминиевой бляхой «Дежурный по КПП» на груди. Замутненный послеобеденной дремой взгляд румяного офицера остановился сначала на черной сумке «СССР», затем перешел на изнывающего от жары Щербакова и вдруг резко стал осмысленным.

– Саня! Щербаков! Ты чего тут делаешь?! – лейтенант с широкой улыбкой бросился к дверям КПП и через мгновение, выскочив через небольшую калитку к воротам полка, уже обнимал опешившего от такой быстрой смены событий Александра.

– Ты чё, не узнаешь? Вадим Круглов. Вадимыч. На кафедре же вместе учились! Ты какими судьбами? В армейку загребли? К нам направили? – Круглов сходу засыпал Сашку вопросами...

– Вадимыч! Бля, вот это встреча! – Щербаков в ответ кинулся обнимать Вадима, – Да загребли, к вам! Ты давно служишь?

– Да мне всего три месяца до «дембеля» осталось! А что, в какую роту? В танковый батальон хоть? А я дежурным по КПП сегодня. Чего у тебя в предписании написано?

Александр протянул документы Круглову.

– Супер! К нам! Только в какую роту, это комбат скажет. Пошли, я тебя провожу до нашего штаба, а ты давай рассказывай, как жизнь молодая, – Вадим распахнул небольшую железную калитку, сквозь её проём взгляду открылись строения воинской части. Радостный от неожиданной встречи, Александр подхватил сумку, и они вместе вошли на территорию полка. По дороге к штабу Щербаков вкратце рассказал о событиях своей жизни после окончания института. Бывшие однокурсники остановились перед крыльцом одноэтажной казармы, в ней располагался личный состав и штаб танкового батальона. Слушая про призыв и приключения последних дней, которые Сашка рассказывал с присущим ему юмором, Вадим от души хохотал. Его вечно румяное лицо сделалось красным, как перезревшие астраханские арбузы. Наконец успокоившись, Круглов подтянул ремень, на котором в кобуре висел армейский «ПМ» и, глядя в сторону дверей штаба, сказал: «Сейчас я тебя представлю комбату – майору Купцову. Ничего про него говорить не буду, послужишь, сам поймешь, что он за человек. Но смотри, держи с ним ухо востро. Как говорят: «мягко стелет, да жестко спат», – с этими словами он открыл дверь и жестом пригласил Александра внутрь.

Пройдя по узкому коридору с надраенными до блеска деревянными полами, они очутились перед деревянной дверью со стеклянной красной табличкой. На табличке желтели трафаретные буквы «Командир танкового батальона». Осторожно постучавшись, Круглов приоткрыл дверь.

– Разрешите войти, товарищ майор, – Вадим заглянул внутрь.

Свет пробивался в душное от июльского зноя небольшое помещение через окно, занавешенное старой газетой. На стенах висели стенды с графиками учебных занятий, боевых стрельб, изображениями танковых пулемётов ПКТ и НСВТ и еще какими-то танковыми принадлежностями. В углу стояли крашенный «под дерево» желто-коричневой краской сейф и деревянный шкаф с видневшимися через треснутое стекло картонными папками и книгами по ремонту и обслуживанию бронетехники.

– Ты какого хера тут делаешь, Круглов! Почему не на КПП? – за столом сидел небольшого роста коренастый офицер с черными, тронутыми едва заметной сединой усами и что-то записывал в тонкую тетрадку. Не поднимая головы, он продолжал строчить в тетрадь какие-то эпосы. На воротнике выгоревшего до желтизны, некогда зеленого танкового комбинезона, зеленели круглые эмблемы бронетанковых войск – что-то отдаленно напоминающее танки в обрамлении колосьев. Стриженная «под расческу» голова комбата уже сильно подернулась сединой, несмотря на то, что ему еще не было и сорока.

– Товарищ майор, к нам прибыл новый лейтенант для прохождения воинской службы, – Вадим за руку втащил внутрь Щербакова. – Мы с ним вместе в институте учились.

Рука комбата, бешено передвигающаяся по тетрадному листу, замерла на половине предложения. Цепким взглядом серых, чуть прищуренных глаз он оглядел стоящего посередине комнаты немного растерявшегося Александра.

– Круглов, кру-гом и на КПП шагом-марш! – не отрывая глаз от Щербакова гаркнул майор. – Мы тут без тебя разберемся, кто с кем учился.

Вадим, молча повернувшись, закрыл за собой входную дверь.

– Ну, докладывай, или забыл как? – Купцов продолжал буравить взглядом Александра.

– Товарищ майор, разрешите доложить. Лейтенант Щербаков прибыл для прохождения воинской службы! – отрапортовал Сашка. Много раз он произносил подобную фразу в уме, представлял ситуацию, при которой она будет сказана. И вот она, та самая ситуация.

– Во-о-о-т, – протянул Купцов. – А говоришь – не умеешь, – комбат приподнялся со скрипнувшего стула. – Гвардии майор Купцов Олег Геннадьевич, – и через стол протянул Щербакову руку. Несмотря на то, что особым ростом комбат не отличался, ладонь у Купцова была большая и мозолистая. При рукопожатии он, не отрываясь, смотрел в глаза Александра.

– Присаживайся, – комбат жестом указал на деревянный стул, стоящий перед его столом. – Значит так, гвардии лейтенант Щербаков, давай договоримся сразу, – Купцов опустил своё немного грузное тело на вновь скрипнувший стул и достал из ящика стола начатую пачку «Winston», – если ты на службе появляться не будешь, как некий лейтенант Атрепьев из второго взвода третьей роты, то звать я тебя буду «этот гондон Щербаков». Если же всё будет, как полагается, по уставу, – Купцов заглянул в воинский билет Щербакова, – буду звать Александр Николаевич. Договорились?

Ошарашенный такой постановкой вопроса, Щербаков произнес: – А кто такой лейтенант Атрепьев?

– Есть у нас такой «товарищ», тоже «пиджак». Сам из Волгограда. Вот уедет на выходные и месяц потом не появляется. Вот такой вот гондон Атрепьев, Александр Николаевич, – майор затянулся сигаретой и выпустил дым в закопченный потолок, – позорит звание лейтенанта. Гвардии лейтенанта! Полк-то у нас гвардейский, а это уже повод для гордости, товарищ гвардии лейтенант! Ну, теперь давай, рассказывай, кто ты и что ты, а я пока допишу кое-что, – Купцов вновь принялся за ранее прерванную писанину.

Выученное наизусть повествование Щербакова о том, кто он и каким образом попал в танковый батальон, медленно уплывало к потолку на кольцах табачного дыма. Комбат, изредка ухмыляясь или вставляя что-то типа «у какие суки», продолжал покрывать строчками тетрадные листы. Закончив свой рассказ, Александр молча стал разглядывать стены купцовского кабинета. Особо его удивил красный вымпел с изображением Ленина и золотившейся надписью: «Лучшему трудовому звену», невесть как оказавшийся в танковом штабе. Наконец майор поставил витиеватую подпись в своём произведении и, подняв глаза на Щербакова, как будто продолжая прерванный разговор, сказал: «Значит так, Александр Николаевич, в первой и второй роте не хватает по одному офицеру, а в третьей – двух, поэтому поедешь в третью роту. Находится она в Анисовке, в сводном танковом батальоне. Анисовка знаешь где? Вот. Командир роты там старший лейтенант Апраксин. Сегодня начальник штаба оформит тебя в третью роту, а завтра с документами туда, к Апраксину. Там, помимо кадровых, служат такие же, как ты, «студенты». Они тебе всё покажут и расскажут, а сейчас иди на вещевой склад, получи обмундирование. Пропуск я тебе выписал. Где склад, сейчас нарисую». Купцов вытащил из тумбочки чистый лист бумаги и схематически нарисовал путь от штаба до вещевого склада.

– Не знаю, кто там сейчас есть, – продолжил комбат, – скажешь, что ты вновь прибывший офицер и отдашь вот эту бумажку, там всё поймут и выдадут тебе обмундирование. Потом вернешься сюда за «военником» и документами. Сейчас должен начштаба с обеда прийти, он как раз всё оформит. Сумку можешь пока здесь оставить.

Послеобеденный зной заставил всех обитателей воинской части попятаться в спасительную тень, и в поле зрения Сашки военнослужащих не наблюдалось. Комбат обладал весьма сомнительными художественными навыками, поэтому Щербакову удалось разыскать вещевого склад лишь с помощью случайно увиденного им солдата, пробежавшего мимо. Склад находился

на задах части и представлял собой одноэтажное кирпичное сооружение с зарешеченными окнами и железной дверью. Александру пришлось долго стучаться, прежде чем ему открыл заспанный прапорщик с татарскими скулами и прищуренными глазами.

– Тебе чего? – позевывая спросил он.

– Мне обмундирование получить, – протянул листок с комбатовскими письменами Щербаков.

– Старший прапорщик Загинайлов в отпуске. Приедет, тогда получишь, – пытаюсь закрыть дверь и широко зевая, ответил прапор.

– В каком отпуске? Мне завтра в Анисовку ехать. Я что, в гражданских штанах поеду?

– Через неделю приходи, получишь, как Загинайлов приедет, – с этими словами прапорщик захлопнул дверь перед растерянным Сашкой.

«Вот это армия, – подумал Щербаков, – вот это им людей не хватает», – с этими мыслями он вновь возвратился к дверям комбатовского кабинета.

– Товарищ майор, мне ничего выдавать не хотят, какой-то Загинайлов в отпуске... – Щербаков, чуть не плача от обиды, заглянул к Купцову.

– Вот морда узкоглазая! – с этими словами комбат набрал несколько цифр на стоящем на столе телефоне с гербом Советского Союза на диске.

«Зарифуллин, бля, это Купцов. Ты что мне тут молодых офицеров обижаешь! Человеку завтра в третью роту ехать! Выдай ему всё, что положено! Да меня не интересует твой Загинайлов. Потом я с ним сам разберусь», – с этими словами он швырнул трубку.

– Иди, сейчас всё получишь. Совсем на своём складе охерели! Иди, Александр Николаич.

Ободренный словесным поединком Купцова и Зарифуллина, в котором вроде бы как победил Купцов, Щербаков, по уже известному пути, вновь отправился к дверям вещевого склада. У его дверей стоял прапорщик и нервно курил сигарету.

– Я ж тебе говорю, Загинайлов в отпуске на неделю, ключ мне от основного блока не отдал, я тебе щас где что искать буду? – ещё издали начал он. – И комбат ваш – чуть что, сразу орать. Ладно, заходи, – он открыл железную дверь в спасительную прохладу.

«Военная форма, камуфлированная, нового образца, один комплект. На размер больше, ну это не страшно, рукава подвернешь «под локоть», а к осени твой размер найдем. Сейчас нет. Вот планшет, новый. Ремни офицерские и «берцы» кончились, извини. Если срочно надо, купи в «Военторге», или через месяц приходи, – прапорщик не спеша ходил по складу и отыскивал на полках нужные аккуратно разложенные по комплектам вещи. – Кепка полевая, одна. Вот четыре звездочки и кокарда. Так, нательное белье – два комплекта, трусы черные – двое. Комбинезон танковый зимний – один, и размер как раз твой. Две футболки, две майки. Вроде всё. Распишись в накладной и привет комбату», – с этими словами он протянул акт приема-передачи, в котором, как заметил позже Сашка, ремень офицерский и «берцы» всё же значились.

С охапкой новых вещей, пахнувших нафталином и кожзаменителем, он вновь отправился к дверям штаба танкового батальона. У казармы Щербакова поджидал чернявый, коротко стриженный капитан. Солнце отражалось в его начищенных до зеркального блеска берцах. Форма тщательно отутюжена, обшита нужными и ненужными армейскими нашивками, в довершение, на рукаве красовался шеврон с девизом «Если не мы, то кто» и вышитой шелковыми нитками волчьей головой – эмблемой полка. Роста он был невысокого, в крепко сбитой фигуре угадывалась офицерская выправка.

– Саша, здорово! Ну чё, всё выдали? – капитан с порога обратился к Александру, как будто знал его уже лет сто. – Гвардии капитан Кукушкин, можно просто Эдик, – не дожидаясь ответа, он протянул Щербакову руку. – Начальник штаба танкового батальона. Я там на тебя уже все документы оформил, пойдем, сейчас тебе все бумаги отдам, и завтра можешь валить в Анисовку. Там найдешь командира роты Апраксина, «старлея», он тебя представит взводу и вперед. А там по ходу пьесы разберешься, что-как. Ты щас куда?

– Вещи заберу и к бабуле заеду, – ответил Александр.

– Бабуля далеко живет?

– Да тут минут десять пешком. А на чём до Анисовки добираться? – Щербаков был удивлен такому простецкому обращению.

– На электричке, в семь утра поезд, как раз к утреннему построению доберешься. Проводник подскажет, где выходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.